

Научная статья

УДК 343.3/.7

DOI 10.63926/A/26-1-109

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Рахманова Е.Н.

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им.
В.М. Лебедева*

197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5, Российская Федерация

E-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9545-0036

Аннотация

В статье анализируется эволюция применения биологического оружия — от примитивных методов ведения войны в античности и средневековья до высокотехнологичных государственных программ XX века и современных актов биотерроризма. Анализируются ключевые международно-правовые инструменты в данной сфере и недостатки существующих правовых механизмов. Сделан вывод о необходимости перехода от реактивной модели реагирования к проактивной системе глобального мониторинга и создания юридически обязывающих механизмов международной ответственности за использование биологического оружия.

Ключевые слова: биологическое оружие, биотерроризм, агротерроризм, биологическая безопасность, патогенные агенты, предупреждение

BIOLOGICAL WEAPONS: HISTORY AND CONTEMPORARY CHALLENGES IN PREVENTING THEIR USE

E. Rakhmanova

*Lebedev Russian State University of Justice, Alexandrovsky Park, 5, 197046 St. Petersburg,
Russia*

E-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4602-4676

Abstract

This article analyzes crimes committed using biological weapons or prohibited biological agents. These crimes include crimes committed using prohibited biological agents or biotechnology, such as crimes against the individual committed for personal motives; bioterrorism; and the use of prohibited biological weapons (weapons of mass destruction) for military purposes to inflict mass destruction on enemy personnel and populations, agricultural crops, etc. An analysis of international legal instruments in this area shows that, despite the adoption of a number of conventions, contemporary international criminal law focuses primarily on countering bioterrorism and the use of biological weapons by states. At the same time, issues of individual criminal liability for biological crimes remain insufficiently regulated at both the international and national levels.

Keywords: biological weapons, bioterrorism, biological crimes, biological agents and toxins, international law, individual criminal liability

Введение

На протяжении всей истории человечество создавало и применяло различные виды вооружений, в том числе, биологическое оружие, способное заражать людей, животных и растения [2].

Биологическая война — самая опасная форма войны, когда противник невидим и зачастую его невозможно установить. Биологическая война не приводит к взрывам, разрушению зданий и иным материальным последствиям. Ее основными целями являются люди, животные или растения, причем последние часто используются в качестве посредников для распространения среди населения через зоонозные пути передачи.

Использование биологического оружия с древнейших времен и до наших дней в военных и диверсионных целях всегда направлено на достижение максимального поражающего эффекта. История изобилует многочисленными примерами применения биологических агентов в качестве орудий войны, от стрельбы тушками больных животных с помощью катапульт в древние времена до тайных и жестоких экспериментов, проводившихся во время мировых войн XX века. Но в последние десятилетия акцент начал смещаться в сторону биотерроризма (т.н. «тихая война»).

С начала XX-го столетия международное сообщество пытается ограничить производство и использование биологического оружия. Первым документом международного признания опасности применения биологических агентов в военных целях был «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств» (Женевский протокол)» 1925 г., государства-участники которого при подписании сделали множество оговорок, в результате нивелировав его сущностную сторону и не остановив развитие военно-биологического оружия. Следующий шаг был сделан лишь в 1972 году, когда была принята Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБО)¹. Свой вклад в противодействие применению биологического оружия внесли также Совет Безопасности ООН и ВОЗ. Но несмотря на усилия международного сообщества, все еще сохраняется опасность применения биологического оружия, обусловленная угрозой биотерроризма и потенциальным доступом негосударственных субъектов к биологическим агентам [3; 4; 11; 12], что обусловлено относительной доступностью информации, касающейся технологий производства биологических препаратов, а также реализацией в ряде стран исследовательских и технологических программ, которые, формально не нарушают положения Конвенции 1972 г., но могут быть квалифицированы как подготовка к применению данных видов оружия массового поражения.

Основная часть

Использование биологических патогенов в качестве орудия войны является исторически укоренившейся практикой, существовавшей задолго до развития современной микробиологии. Уже на самых ранних этапах развития человечества применялась тактика специального заражения водных ресурсов и использования инфицированных останков (как человеческих, так и животных) в целях ослабления противника.

Первые известные случаи применения биологических агентов в античный период

¹Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Заклочена 16.12.1971) // Действующее международное право. Т. 2. – Московский независимый институт международного права, 1997. С. 436-441

относятся к VI веку до н. э. Так, в 600 году до н. э. греческий военачальник Солон дал указание отвести поток воды в сторону от города. Сиргарийцы продолжительное время выдерживали осаду, употребляя дождевую воду и пользуясь имевшимися в городе колодцами. В это время солдаты Солона собрали большое количество корней чемерицы и бросили их в созданное ими водохранилище. После того, как ядовитые вещества, содержащиеся в растении, растворились в воде, Солон распорядился направить поток отравленной воды по прежнему руслу. Сиргарийцы, долгое время испытывавшие жажду, набросились на отравленную воду. В результате у большинства воинов, защищавших город, возникло острое желудочное расстройство, и они побросали свои боевые посты, а армия Солона в результате легко овладела городом¹.

В XIV веке во время осады города Каффы (современная Феодосия) монгольские войска для того, чтобы ускорить капитуляцию города использовали тела жертв бубонной чумы, забрасываемые метательными орудиями за крепостные стены. Данный случай рассматривается многими исследователями как один из факторов, способствовавших началу пандемии «Черной смерти» в Европе, последствия которой имели катастрофические масштабы. «К середине 14 века в Париже из-за чумы умерло 70 процентов населения, а в среднем по Европе — до половины населения»².

В XVIII веке тактика сознательной диссеминации патогенов была применена во время колониальных войн в Северной Америке. В 1763 году британское командование в ходе восстания Понтиака инициировало передачу коренному населению одеял, которые использовали больные оспой, что привело к масштабной эпидемии, дезорганизации сопротивления и уничтожению значительной части коренного населения³.

Первая мировая война ознаменовала следующий этап в применении биологического оружия, когда Германия перешла к использованию специализированных биологических диверсий, применяя возбудителей сибирской язвы и сапа для уничтожения поголовья скота стран Антанты, что подрывало продовольственное обеспечение и логистические возможности противника. Наряду с прямой диверсионной деятельностью практиковались также методы «организационной биологической войны», которые выражались в маневрировании войсками с целью вытеснения подразделений противника в эндемичные районы или населенные пункты, пораженные сыпным тифом и сапом⁴.

Опыт Первой мировой войны, во время которой впервые были официально зафиксированы случаи использования инфицированных животных в качестве диверсионного средства, предопределил понимание необходимости создания международно-правового режима запрещения биологического оружия. В 1925 году был принят и подписан «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» (Женевский протокол)⁵. Но фактически он оказался невыполним, несмотря на то, к нему присоединились многие

¹Боги-биотеррористы и древние отравители //Сайт М. Сухомниченко [Электронный ресурс] - URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat85.htm> (дата обращения: 16.01.2026)

²Кулагин В. История Монголии: «черная смерть» империи и ее наследие // Babr24.com [Электронный ресурс] - URL:<https://babr24.com/?IDE=252906> (дата обращения: 16.01.2026)

³Индейцы и оспа: как с помощью трех одеял британцы применили бактериологическое оружие – URL: <https://xn----7sbfxdal1bemgims0a5lh.xn--p1ai/index.php/stati/1745-indejtsy-i-ospa-kak-s-pomoshchyu-trekh-odeyal-britantsy-primenili-bakteriologicheskoe-oruzhie> (дата обращения: 16.01.2026)

⁴Боги-биотеррористы и древние отравители //Сайт М. Сухомниченко. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat85.htm> дата обращения: 16.01.2026)

⁵Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов, и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.) //Действующее международное право. Т. 2. – Московский независимый институт международного права, 1997. С. 587

страны. Протокол запрещал только «использование» биологического оружия, не устанавливая при этом ограничений на его разработку, производство и накопление запасов. В нем также не были предусмотрены инструменты мониторинга, что позволяло государствам продолжать вести научно-исследовательскую деятельность в данной сфере [13].

Это привело к тому, что до Второй мировой войны и во время нее, а также в последующем многие государства продолжали создавать и поддерживать национальные программы по разработке биологического оружия. Так, с 1930-х по 1940-е годы ведущие европейские державы и США открыли специализированные научно-исследовательские центры, ориентированные на изучение эпидемиологических процессов в целях разработки биологического оружия. Значительные государственные инвестиции в фундаментальные и прикладные исследования в области микробиологии, биохимии и генетики позволили достичь им более глубокого понимания патогенеза вирусов, бактериальных трансформаций и механизмов адаптации грибковых культур к факторам внешней среды. Интересно, что данные программы параллельно с наступательным потенциалом поддерживали разработку вакцин, антидотов и соответствующих протоколов медицинского обеспечения защиты от биологического оружия.

В период Второй мировой войны работа над созданием биологических агентов на основе зоонозных и эпизоотических патогенов продолжилась. Так, в 1940 году Великобритания создала центр исследований биологического оружия, который в 1941 году на острове Груинард (Шотландия) провел полевые испытания авиационной бомбы, снаряженной спорами сибирской язвы, что в результате привело к массовому падежу скота и экологическому загрязнению острова на многие десятилетия [13, 7].

Наиболее масштабное и систематическое применение биологического оружия было предпринято Японией во время войны против Китая с 1932–1945 г. г. Специализированные формирования Квантунской армии — «Отряд 731» и «Отряд 100» осуществляли как полевое применение биологических агентов, так и жестокие эксперименты на людях. В частности, сбросив инфицированные чумой блох и заразив источники воды патогенами в провинциях Чжэцзян, Хунань, Цзянси, они спровоцировали вспышки тяжелых заболеваний, жертвами которых стали сотни тысяч военнослужащих и мирных жителей [9].

В свою очередь, Германия в период Второй мировой войны не только разрабатывала биологическое оружие, но и приступила к его практическим испытаниям в полевых и прифронтовых условиях. Одним из ярких примеров таких преступлений стали эксперименты гитлеровских врачей по «определению надежного способа заражения» сыпным тифом, проводившиеся, в частности, путем инъекций крови больных. За эти и иные подобные деяния виновные были привлечены к уголовной ответственности на Нюрнбергском процессе [7, 73].

Примером неэффективности Женевского протокола является и Корейская война (1950–1953 г. г.). Обвинения, выдвинутые КНДР и КНР в адрес США, привели к созданию в 1952 году специального международного научного комитета, работающего под эгидой Комиссии по расследованию фактов бактериологической войны, которая признала применение биологических агентов в зонах конфликта, представив доказательства обнаружения возбудителей холеры, сибирской язвы и чумы, а также векторов распространения арбовирусов (в частности, переносчиков желтой лихорадки), что вновь подтверждало существование разрыва между формальными международными обязательствами того времени и реальной военно-политической практикой государств¹.

¹Забытая биологическая война на Корейском полуострове — технические детали // Сайт М. Сухомниченко. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat151.htm> (дата обращения: 16.01.2026)

Так, на протяжении многих столетий биологические агенты эволюционировали от эмпирически подбираемых средств заражения до стратегических инструментов геополитического противостояния. Но только научно-технологический прорыв в области микробиологии и эпидемиологии на рубеже XIX–XX веков позволил трансформировать разрозненные тактические приемы в системные современные программы разработки и применения биологического оружия.

Это привело к тому, что международное сообщество, осознав его опасность, предприняло в 1969 году новую попытку решения проблемы запрещения биологического оружия, когда Великобритания представила на сессии Совещания Комитета по разоружению в Женеве проект международной конвенции, предусматривавший его запрет и уничтожение. После многолетнего и всестороннего обсуждения британского проекта Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) была открыта для подписания 10 апреля 1972 года и, вступив в силу 26 марта 1975 года (после ратификации 22 государствами), КБТО стала первым международным договором о разоружении, запрещающим производство целого класса вооружений¹.

Главное значение Конвенции заключается в установлении запрета, закрепленного в статье I, согласно которому государства-участники обязуются «никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать и не приобретать каким-либо образом и не сохранять» биологические агенты или токсины, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей. Кроме того, под запрет попадают любые технические средства и средства доставки, предназначенные для использования данных агентов или токсинов во враждебных целях и в вооруженных конфликтах. В целях обеспечения соблюдения принципов Конвенции государства-участники обязуются принимать законодательные меры по исполнению данных запретов (ст. 4). Однако точные детали того, какие именно меры необходимы для достижения этих целей и выполнения положений Конвенции, остаются на усмотрение государств-участников.

Но Конвенция в отличие от Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении не предусматривает механизмы обязательных деклараций, плановых инспекций или непрерывного технического мониторинга². Попытки устранить этот институциональный пробел и согласовать юридически обязывающий Протокол для проверки КБО потерпели неудачу в 2001 году, что до сих пор ограничивает возможности международного сообщества по проверке выполнения положений Конвенции [5].

При этом с момента принятия Конвенции характер применения биологических агентов вновь претерпел качественную трансформацию, из средств ведения крупномасштабных военных действий они постепенно превратились в инструмент международного терроризма. Наиболее ярко это проявилось в Японии в июне 1994, когда японская секта «Аум Синрикё» распылила нервнопаралитический газ зарина в городе Мацумото, в результате чего погибли семь человек. 20 марта 1995 года члены «Аум Синрикё» вновь распылили зарин в токийском метро. Всего погибло 13 человек,

¹Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Заклучена 16.12.1971) // Действующее международное право. Т. 2. – Московский независимый институт международного права, 1997. С. 436-441

²Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Заклучена в Париже 13.01.993) // Бюллетень международных договоров. № 4. 1998

около 6,3 тыс. были отравлены¹.

В 2001 году мировое сообщество столкнулось с еще одним видом биотерроризма, т.н. почтовым биотерроризмом, который превратился в новый вызов международной безопасности и правопорядку. Поворотным моментом в осознании опасности масштабов данной угрозы явилась рассылка по почте спор сибирской язвы в США в 2001 году (22 случая заражения, 5 летальных исходов)². Данный прецедент спровоцировал пересмотр национальных стратегий биобезопасности и интенсифицировал международное сотрудничество в сфере оперативного реагирования на акты биологической агрессии.

Не менее опасным видом биотерроризма стал и агротерроризм, цель совершения которого заключается в подрыве продовольственной безопасности, осуществляемом путем провоцирования эпизоотий и эпифитотий, что создает не только риск прямой передачи инфекции от животных к человеку, но и влечет за собой такие негативные последствия как значительный экономический ущерб, обусловленный деградацией аграрного рынка и утратой экспортного потенциала страны [6]. Первые попытки были сделаны еще во время Второй мировой войны, когда в Великобритании разрабатывался проект «Вегетарианец», который мог погубить всю Европу. Планировалось произвести пять миллионов протеиновых брикетов, зараженных спорами сибирской язвы, предназначенных для сброса на пастбища Германии с целью уничтожения поголовья скота³.

Этот проект уже тогда показал, что сельскохозяйственный терроризм или агротерроризм, направленный на дестабилизацию животноводческого сектора, представляет собой серьезную угрозу не только национальной, но и международной безопасности, выходя за рамки чисто ветеринарной проблемы, поскольку масштабное внедрение патогенов опасно не только для населения, животных и т.д., но и инициирует цепную реакцию, затрагивающую производителей, перерабатывающие предприятия и экспортный потенциал стран. Во многом это связано с высокой уязвимостью данной отрасли, что обусловлено относительной доступностью многих биологических агентов и патогенов. Например, болезнь Ньюкасла, которая распространена на всех континентах, за исключением Австралии, и ее тяжёлые клинические проявления представляют серьезную угрозу для сельского хозяйства, так как уровень смертности птиц при данных патологиях достигает 75%. Очевидно, что распространение этого вируса способно нанести катастрофический ущерб сельскому хозяйству и экономике государства в целом⁴.

Именно необходимость обеспечения безопасности пищевых продуктов и здоровья живого скота обуславливает применение карантинных мер при трансграничных поставках, которые зачастую трансформируются в долгосрочные торговые эмбарго. Известно, что вспышка высококонтагиозного заболевания, такого как губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота (КРС) или «коровье бешенство» в Великобритании вызвала паралич экспортных операций с мясной продукцией на

¹Секта «Аум Синрикё». Досье // Редакция сайта ТАСС [Электронный ресурс] - URL: <https://tass.ru/info/5352543> (дата обращения: 11.01.2026)

²Гастроли «сибирской язвы» в США // РИА Новости [Электронный ресурс] - URL: <https://ria.ru/20080808/150193030.html> (дата обращения: 16.01.2026)

³Операция «Вегетарианец»: как Черчилль чуть не погубил всю Европу. Секретная операция против Гитлера чуть не обернулась всемирной биологической катастрофой // РЕН ТВ [Электронный ресурс] - URL: <https://ren.tv/longread/1016117-operatsiia-vegetarianets-kak-cherchill-chut-ne-pogubil-vsiu-evropu> (дата обращения: 11.01.2026)

⁴Текущая ситуация и перспективы развития вакцин против болезни Ньюкасла // Портал промышленного производства [Электронный ресурс] - URL: <https://pticainfo.ru/article/tekushchaya-situatsiya-i-perspektivy-razvitiya-vaktsin-protiv-bolezni-nyukasla/> (дата обращения: 16.01.2026)

длительный период. «Начавшаяся одновременно в различных географических территориях страны эпидемия распространилась с невообразимой скоростью, что привело к вынужденному уничтожению всего поголовья КРС. При этом общее число павших от заболевания животных составило около 200 000 голов, а на ликвидацию эпидемии израсходованы 67 млн долларов» [2, 226]. Аналогичным образом, пандемия птичьего гриппа 2003 года спровоцировала серьезные экономические потери, вызвав волну банкротств в аграрном секторе и трансформацию рынка птицеводческой продукции¹. Не говоря о том, что как, считают специалисты, вирус птичьего гриппа изменился и имеет пандемический потенциал [8, 62].

В связи с нарастающим осознанием опасности последствий биологического терроризма вопросы контроля над распространением патогенов вышли за рамки аграрной политики отдельных государств. В этой связи представляет интерес деятельность «Австралийской группы», неформального международного форума, целью которого является согласование правил экспортного контроля над разработкой и распространением химического и биологического оружия. Группой разработан перечень патогенов животных и растений, подлежащих строгому экспортному контролю, который включает такие заболевания, как сибирская язва, африканская чума свиней, ящур, бруцеллез, птичий грипп, лихорадка Рифт-Валли и классическая чума свиней [1].

В начале XXI века Совет Безопасности ООН де-факто взял на себя роль глобального регулятора в сфере противодействия биотерроризму, используя полномочия, предусмотренные в Главе VII Устава ООН². Резолюция N 1540 (2004) Совета Безопасности ООН «Нераспространение оружия массового уничтожения», принятая по инициативе Российской Федерации, обязала государства не только воздерживаться от поддержки негосударственных акторов, стремящихся к получению ОМУ, но и принимать на национальном уровне и эффективно применять соответствующие законы, запрещающие любому негосударственному субъекту «производить, приобретать, обладать, разрабатывать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки, в особенности в террористических целях, равно как и попытки участвовать в любых из вышеупомянутых действий, участвовать в них в качестве сообщника, оказывать им помощь или финансирование»³. Тем не менее, несмотря на амбициозность Резолюции 1540, созданный для контроля за её исполнением Комитет 1540 столкнулся с ограниченностью ресурсов и отсутствием прямых механизмов принуждения. Проводимый Комитетом мониторинг носит преимущественно формальный характер (рассмотрение национальных докладов), что фактически не позволяет гарантировать реальную защищенность биологических материалов от несанкционированного доступа к ним.

Если Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия и деятельность Совета Безопасности ООН направлены преимущественно на превенцию и его нераспространение, то Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) контролирует вопросы готовности и оперативного реагирования в сфере здравоохранения. Основным

¹ВБ: Глобальная эпидемия птичьего гриппа принесет ущерб в \$1-2 трлн. РБК [Электронный ресурс] - URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2006/5703c34f9a7947dde8e0af2e> (дата обращения: 16.01.2026)

²Устав Организации Объединенных Наций (Принят в Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971)// Действующее международное право. Т. 1 – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33

³Резолюция N 1540 (2004) Совета Безопасности ООН «Нераспространение оружия массового уничтожения» (Принята в Нью-Йорке 28.04.2004 на 4956-ом заседании Совета Безопасности ООН) [Электронный ресурс]// сайт ООН – URL: [https://docs.un.org/ru/s/res/1540\(2004\)](https://docs.un.org/ru/s/res/1540(2004)) (дата обращения: 28.01.2026)

инструментом ВОЗ являются Международные медико-санитарные правила (ММСП-2005), которые должны обеспечить «предотвращение, защиту и контроль в ответ на международное распространение болезней»¹.

ММСП накладывают на государства-участников ряд обязательств, формирующих, в том числе, основу для международного противодействия биологическим угрозам. Государства, в частности, должны обеспечить эпидемиологический надзор для выявления и оперативного реагирования на угрозы, а также для своевременной оценки событий в области общественного здравоохранения и информировать ВОЗ в течение 24 часов о любых инцидентах, потенциально классифицируемых как чрезвычайная ситуация в области здравоохранения, имеющая международное значение (ст. 6).

ММСП предоставляют значительные полномочия Генеральному директору ВОЗ, который может объявлять чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения (статья 12); делать как временные (статья 15), так и постоянные (статья 16) рекомендации; созывать чрезвычайные (статья 48) и обзорные (статья 49) комитеты, которые должны готовить и публиковать консультации.

Но несмотря на значение ММСП можно выделить недостатки правового регулирования, ограничивающие их эффективность. Прежде всего, точные границы того, что является чрезвычайной ситуацией, не совсем ясны, поскольку установление «чрезвычайной ситуации, имеющей международное значение» согласно статье 1 подлежит толкованию в каждом конкретном случае. Не вполне ясна и правовая природа рекомендаций, и их обязательность, поскольку та же статья 1 ММСП понимает их как юридически необязательные акты, что влечет проблему неисполнения государствами данных рекомендаций. К числу существенных пробелов ММСП нужно отнести отсутствие правовых механизмов обеспечения их соблюдения и санкций за нарушение положений Правил в значительной степени опираясь на принцип добровольного сотрудничества, который в условиях чрезвычайной ситуации зачастую вступает в противоречие с национальными интересами, а также на политическую волю государств.

Названные проблемы стали очевидны во время преодоления последствий атипичной пневмонии (SARS, 2002), птичьего гриппа (2003), свиного гриппа (2009), лихорадки Эбола (2013) и пандемии COVID-19 (2019), когда не все государства соблюдали 24-часовой протокол уведомления, опасаясь экономических потерь и репутационных рисков, а отсутствие международных инспекционных механизмов не позволяло ВОЗ проверить реальную готовность национальных систем здравоохранения, превращая, тем самым Международные медико-санитарные правила в декларативные нормы. Наконец, недостаточная координация между режимом ММСП и КБТО создает дополнительные сложности при квалификации событий, имеющих признаки умышленного противоправного применения биологических агентов.

Таким образом, хотя ММСП-2005 остаются пока основным элементом противодействия возможным биологическим угрозам общественному здравоохранению, но их реальное применение показало очевидное несовершенство, вновь подтверждая необходимость перехода от рекомендательной модели к более жестким механизмам контроля и ответственности государств за несоблюдение стандартов глобальной биологической безопасности.

В контексте международных усилий по противодействию распространению биологического оружия и угрозе биотерроризма Российская Федерация последовательно укрепляет свое национальное законодательство, предусматривая уголовную

¹Международные медико-санитарные правила (2005) [Электронный ресурс]// Гарант – URL: <https://base.garant.ru/2565137/> (дата обращения: 28.01.2026)

ответственность за деяния, связанные с данным видом оружия массового поражения. УК РФ¹ содержит ряд статей, направленных на пресечение создания, приобретения, хранения, использования и распространения биологического оружия, а также на борьбу с актами биотерроризма. В их числе ст. 335 УК РФ, криминализирующая действия, связанные с биологическим оружием, как одним из видов оружия массового поражения, и предусматривающая ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт биологического оружия, а также химического, ядерного и других видов оружия массового поражения. Ст. 205 УК РФ играет центральную роль в противодействии биотерроризму. Террористический акт, совершенный с использованием биологических агентов, будет квалифицироваться именно по данной статье, учитывая, что ее диспозиция предусматривает, в том числе ответственность за совершение иных действий, устрашающих население и создающие опасность гибели человека указанных действий в тех же целях, к которым относятся в том числе распространение биологических патогенов. В полной мере ст. ст. 205.1 и 205.2 УК РФ позволяют привлекать к ответственности лиц, которые прямо не участвуют в актах биотерроризма, но оказывают содействие им (финансирование, обучение, пособничество) или публично призывают к таким действиям, в том числе с использованием биологического оружия. Ст. 205.3 УК РФ направлена на пресечение подготовки потенциальных биотеррористов, криминализируя получение ими знаний, практических навыков и умений, заведомо необходимых для осуществления террористической деятельности, в том числе по обращению с биологическими агентами. Наконец, если распространение биологических агентов не имеет прямого террористического умысла, но приводит к массовому заболеванию или отравлению людей, то подобные действия могут быть квалифицированы как нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), которые хотя и не относятся к оружию массового поражения, но её наличие в УК РФ подчеркивает важность защиты населения от биологических угроз.

Важно отметить, что российское уголовное законодательство постоянно совершенствуется в ответ на меняющиеся угрозы. Ужесточение ответственности за террористические преступления, а также расширение круга деяний, подпадающих под определение содействия терроризму, свидетельствует о серьезности подхода государства к противодействию биотерроризму. Наличие комплексной системы уголовно-правового противодействия является важным элементом национальной биобезопасности и вносит вклад в общую систему международной борьбы с биологическими угрозами.

Заключение

Применение биологического оружия претерпело серьезную эволюцию от стихийного использования патогенов в древности до высокотехнологичных государственных программ XX-XXI столетий и современных форм биотерроризма, который перестал быть исключительно вопросом физического выживания населения. Постепенно он трансформировался в инструмент дестабилизации, способный парализовать экономические системы и подрвать доверие к государственным институтам. Специфика биологического оружия как одного из видов оружия массового поражения заключается в «преднамеренном распространении вирусов, бактерий или других агентов с целью вызвать болезнь или смерть людей, а также гибель животных или

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]//Справ. прав. система Консультант-Плюс - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.02.2026)

растений» [10, 181]. Высокая востребованность биологического оружия террористическими группами обусловлена сочетанием его значительной поражающей способности с относительной дешевизной производства и сложностью своевременного обнаружения. Латентный период действия биологических агентов позволяет террористам скрытно осуществлять атаки через системы воздухо- и водоснабжения или пищевые цепи, достигая максимального психологического эффекта и социальной паники.

Сегодня приходится признать наличие системного кризиса международно-правового регулирования в сфере биобезопасности, поскольку существующий международно-правовой режим остается в значительной степени декларативным. Отсутствие юридически обязательных механизмов мониторинга, а также зависимость ВОЗ от политической воли и добросовестности отдельных государств создают опасный «правовой вакуум». В ситуации, когда не создана единая технология, которую можно было бы применить для предотвращения или сдерживания использования биологических агентов в качестве оружия, внедрение международных инструментов нераспространения (таких как Конвенция о биологическом оружии и Резолюция 1540 Совета Безопасности ООН) и охраны общественного здоровья (таких как Международные медико-санитарные правила), а также создание региональных и международных партнерств в противодействии биологическим угрозам (будь то природные, случайные или преступные) являются важнейшими факторами достижения глобальной биобезопасности. В этой связи приходится признать, что эффективно противодействовать биотерроризму невозможно без перехода от реактивной модели, т.е. реагирования на уже свершившиеся факты, к проактивной системе глобального мониторинга. Но это потребует создания современного международного механизма ответственности за несоблюдение стандартов биобезопасности, который был бы защищен от политической конъюнктуры. Справедливый баланс между научным прогрессом в области биотехнологий и жесткий правовой барьер на пути их несанкционированного использования все еще остается одной из актуальных проблем биобезопасности и биозащиты XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 541–563. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-541-563>
2. Киселев А. И., Егоров О.Н. Опасности современного биологического оружия // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 3(19). С. 47-51. DOI 10.24411/2409-4102-2022-10307
3. Кручинина, Н. В. Биотерроризм как угроза безопасности человечества // Мир криминалистики. 2023. № 1. С. 76–80
4. Петров С.В., Супотницкий М.В. Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия – история, основные положения, значение и причины неподписания // Вестник войск РХБ защиты. 2021. Т. 5. № 1. С. 4–21. DOI 10.35825/2587-5728-2021-5-1-4-21 16
5. Расулов Ч. Конкретные формы проявления нетрадиционных угроз в современном мире // Таджикистан и современный мир. 2018. № 4(63). С. 53–63
6. Хохлов А. Л., Белоусов Д. Ю., Хмельницкая П. А., Фирсов Д. Е. Нюрнбергский процесс 1945 года и его значение для развития биомедицинской этики и этической

экспертизы биомедицинских исследований. Качественная клиническая практика. 2025. № 4. С. 72–77. DOI10.37489/2588-0519-GCP-0007.

7. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2. С. 60–73. DOI 10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073.

8. Тужилин С.В. «Совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. №12. С. 18–24

9. Холопова Е.Н. Комплексная характеристика биологического терроризма // Юридическая наука без границ. 2021. № 4. С. 180–184

10. Kelle, A., & Dando, M. R. (2025). Behavioral arms control in the century of biology. The Nonproliferation Review, 2025. P. 1–21. DOI10.1080/10736700.2025.2505828.

11. Hunger I., Isla N. Confidence building needs transparency: an analysis of the BTWC's confidence building measures // Disarmament Forum. Geneva. 2006. Vol. 3. P. 27–36.

12. Grunden W.E. & Tuovinen O.H. Legacy and impact of the 1925 Geneva Protocol: one hundred years of treaties and debates on chemical and biological weapons // Frontiers in Microbiology. 2025. 16:1685967. DOI 10.3389/fmicb.2025.1685967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рахманова Екатерина Николаевна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Law, associated professor, Head of the Department of Criminal Law, North-West branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg.